

УДК 9с(47.20)

Статья

ЦЕРКОВНЫЙ СТАРОСТА В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ КАРЕЛЬСКОГО ПРИХОДА В КОНЦЕ XVII — НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА¹

Суслова Евгения Дмитриевна

Петрозаводский государственный университет, пр. Ленина 33,
185910, Петрозаводск, Россия;

кандидат исторических наук

специалист Исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии (ИЛЛМИК)

преподаватель кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений
Института истории, политических и социальных наук ПетрГУ.

evgenia.suslova@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению судебного разбирательства по делу о краже имущества новгородца Якова Герасимова из церковного амбара в Оштинском приходе, входившем в состав Заонежской десятины Новгородской епархии. В основу исследования положен сопоставительный анализ актов приказного делопроизводства и переписных книг второй половины XVII — начала XVIII в. Реконструкция генеалогии церковного старосты и его сына, который после смерти отца предстал в суд, позволила установить, что в отличие от приходов центрального региона в Карелии — как и в Поморье — узы родства объединяли клириков, церковных и земских старост. Представители отдельных зажиточных крестьянских фамилий на протяжении нескольких десятилетий играли значимую роль в жизни локального сообщества, занимая ключевые земские должности и состоя в церковном причте. Не только знание грамоты и определенный уровень дохода, но и взаимопомощь позволяла им сохранять власть и влияние в общине, отстаивать свои интересы настолько это возможно перед лицом поповских старост и слуг новгородского митрополита. Рассчитывая на поддержку крестьян, клирики не столь жестко контролировали повседневную их жизнь, порой попуская нарушение действовавших церковных норм и не искореняя обычаи, шедшие из глубины веков

Ключевые слова: *Ключевые слова: церковный староста; поповский староста; клир; сельский приход; крестьянская община; Олонецкий уезд; Карелия; Русская Православная Церковь; локальная история*

¹ Исследование выполняется в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки России (ГБТ № 653-14), в ходе реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг. и при поддержке РГНФ (проект № 13-31-01225а2).

1. Обстоятельства тяжбы

В начале 1711 г. в судебный приказ новгородского митрополита Иова поступила челобитная новгородца Якова Герасимова, который «ныне» проживал в Оштинском погосте Олонецкого уезда, и прихожанки того же погоста, «девки» Елены Ивановой [24; 13 об.]. Челобитчики заявили о пропаже «пожитков» Якова Герасимова, поставленных с разрешения церковного старосты «в церковной казенной анбар для того, что оне сами близ того анбара живут». Сам церковный староста Семен «извещать» о краже «за болезнью не успел в то время, лежа в болезни, умре» [24; 13 об.]. К ответу был привлечен один из его сыновей — Ивашка Семенов, который приехал в июне того же года в Новгород с истцами «вместе в одной лотки и ставочную челобитную... подал» [24; 13 об.].

Сын церковного старосты не признавал вины ни за собой, ни за отцом, прося провести «тутошними и околними жители» Оштинского погоста розыск и заявляя, что сама «девка» Елена Иванова будто бы «во многих местех говорила, что она про те покраденые пожитки сама ведает, хто их покрад, и воров знает» [24; 14].

2. Цель и задачи

Всестороннее изучение судебного разбирательства по делу о краже имущества из церковного амбара на Оште, продолжавшегося больше года, позволяет на локальном уровне исследовать взаимоотношения клириков, церковного старосты и мирян и, опираясь на достижения историографии, определить роль крестьянской общины в решении приходских дел в пограничном полиэтничном регионе в конце XVII — начале XVIII в. С этой целью мы предполагаем выявить мнения и интересы всех участников житейской ситуации, реконструировать социальные связи, складывавшиеся в локальном сообществе накануне и во время ведения тяжбы, оценить их устойчивость.

3. Источники

В основу статьи положено судебное дело, разбиравшееся новгородским митрополитом Иовом и сохранившееся в составе Коллекции новгородских актов (№ 183) Архива Санкт-Петербургского института истории РАН. В дело, состоящее из двадцати листов, включены челобитные, поданные истцами и ответчиками, наказные памяти новгородского владыки недельщикам и поповским старостам, отписки поповских старост, сказки свидетелей, протокол очной ставки. Документы содержат сведения о ходе разбирательства, о социальном статусе участников конфликта, их позиции относительно обстоятельств кражи, об исполнении поповскими старостами поручений по наказам, присланным из архиерейского разряда. Предпринимавшиеся истцами и ответчиками шаги и их свидетельские показания о практиках, сложившихся в приходе, сопоставляются с действовавшими нормами светского и церковного законодательства.

Дополнительные штрихи из повседневной жизни мирян и клириков, чьи имена фигурируют в материалах дела, выявлены в грамотах о выборе земских старост Оштинского погоста, челобитных местных крестьян, отписках олонецкого воеводы и начальных людей по вопросам организации службы пашенных солдат, хранящихся в фонде «Олонецкая воеводская изба» (№ 98) Архива Санкт-Петербургского института истории РАН. Электронные тексты коллекции стали доступны автору в Исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии, коллектив которой под руководством доц., к.и.н. И. А. Черняковой осуществляет работу по подготовке фонда к публикации с помощью современных интернет-технологий и созданию исчерпывающе полного информационно-образовательного ресурса на базе исторически сложившегося документального комплекса [39; 196].

Реконструкция родственных связей главных участников конфликта опирается на данные массовых источников: переписных книг 1646, 1678 и 1707 гг., книги пашенным солдатам высылщика Ивана Дивова 1657 г., книги «Олонецкого уезду церковником и других чинов разночинцом, которые в оклад не положены» 1720—1723 гг., хранящихся в фондах Российского государственного архива древних актов (ф. 137, 350, 1209).

4. Старинный обычай и отношение к нему церковных властей

Участие церковного старосты в разбирательстве о пропаже «пожитков» из «казенного церковного» амбара не выходило за рамки его повседневных хлопот. М. М. Богословский в свое время подчеркнул, что согласно древнему обычаю, зафиксированному Псковской судной грамотой, именно церковный староста должен был выступать в суде по любым делам, связанным с возложенными на него обязательствами [31; 42].

Ознакомление с материалами тяжбы позволяет заключить, что ни прихожане, ни церковные власти не считали виновными в случившемся самих истцов, по желанию которых — хотя и не без согласия церковного старосты — имущество было помещено в амбар на временное «бережение», пока новгородец не возвратит «девке» Елене Ивановой взятую у нее в долг пшеничную муку [24; 13 об., 27 об.]. Хотя новгородец не указал объема полученной под заклад муки, но оценил оставленные им в амбаре «пожитки», в том числе «жемчужного низанья и серебряной кузни», на внушительную по тем временам сумму — 43 рубля 18 алтын 2 деньги [24; 27 об.]. В наказной памяти новгородского митрополита находим единственное лапидарное упоминание о том, что мука на самом деле принадлежала белозерцу Семену Мартемьянову. Исходя из стоимости хлеба и упоминания о существовании таможи на Оште, уверенно полагаем, что белозерец вез товар на продажу, платил за него пошлину и по каким-то делам вынужден был временно покинуть Ошту, оставив муку у «девки» Елены [24; 27]. Вполне вероятно, что новгородец Яков Герасимов заключил с «девкой» сделку без ведома белозерца и, рассчитывая вернуть товар в ближайшее время, посчитал более надежным хранить отданные под залог «пожитки» в церковном амбаре, находившемся к тому же недалеко от дома Елены Ивановой [24; 13 об.].

Следует подчеркнуть, что обычай хранить в церковном амбаре собственное имущество, оставленное за взятый в ссуду — правда, в церковной казне — хлеб, был широко распространен среди крестьян северо-западного региона во второй половине XVII в. М. М. Богословский отметил, что в церковной казне в приходах Устюжского уезда хранились не только запасы зерна и деньги, но и переданные мирянами под залог ценные бумаги, «вещи домашнего обихода: серьги, пуговицы с жемчугом, овчины, кафтаны сермяжные, какая-нибудь «однорядка синяя да рубашка, шитая шелком и золотом, поношенная»» [31; 39]. Еще более яркий пример приводит Е. Н. Швейковская. Проанализировав приходо-расходные книги Устюга за 1666/67 г., исследовательница выявила, что земские власти даже арендовали за плату церковный амбар, в котором хранили предметы для разных надобностей, в том числе «свечи сальные, и горшки, и рогожи, и виники, и метлы, и голики, и хмель, и ковши, и поваренки, и туйсы» [43; 289—290].

В Великоустюжской и Холмогорской епархии этот обычай стал искореняться с середины 1680-х гг., когда архиепископ Афанасий предпринял ряд мер, направленных на отстранение общины от заведования церковной казной. Так, В. М. Верюжский установил, что по требованию владыки в 1685—1686 гг. при участии сельского духовенства производилась перепись всего имущества, хранившегося в церковных амбарах; во всех приходах были заведены приходо-расходные книги для ежегодных отчетов о состоянии церковной казны, заведение которой с 1685 г. передавалось клирикам, в то время как церковным старостам

была отведена роль помощников [33; 226, 228, 230—232]. Тщательно изучив документацию архиерейского разряда — пошленные и приходо-расходные книги, челобитные мирян и клириков, наказы — историк уверенно констатировал, что «как бы ни часты были» случаи нарушений нововведений, они являлись к концу 1690-х гг. «только остатками прежней, уже исчезавшей практики» [33; 236].

Кража из церковного амбара имущества новгородца — человека пришлого, хотя и проживавшего на Оште, убеждает в том, что в начале XVIII в. сами по себе хозяйственные дела приходов Заонежской десятины не являлись предметом забот новгородского владыки. Хотя нельзя не отметить, что, как и в Великоустюжской и Холмогорской епархии, церковные власти проводили учет и перепись имущества храмов — не только в сельских приходах, но и в монастырях [41; 27], [42; 233]. С нашей точки зрения, эти меры были направлены не столько на отстранение общины от приходских дел, сколько на ужесточение контроля за духовной жизнью мирян. По окончании учета дело не ограничивалось изъятием множества старинных церковных книг. В некоторых случаях, как, например, в Андрусовском монастыре, был изменен состав насельников: мужская обитель преобразована в женскую [41; 27]. Поповским старостам Заонежских и Лопских погостов, подьячим Новгородского Софийского дома вменялось в обязанность строго и тщательно следить за правильностью совершения клириками обрядов согласно церковному уставу, за частотой посещения мирянами богослужений и таинства исповеди, за соблюдением ими церковных канонов в повседневной жизни и всячески укреплять вертикаль власти, в том числе путем подбора самых опытных и авторитетных клириков на должность десятских священников [3], [4], [5].

Такая направленность политики новгородского митрополита во многом объяснялась тем, что идеи старообрядчества находили понимание и активных приверженцев в карельских приходах. Значимость предпринятых мер возрастала и в связи с пограничным положением Олонецкого края, расположенного по соседству со Шведским королевством, активно распространявшим через миссионеров в Ижорской земле и в западной Карелии идеи протестантизма [40; 41].

5. Церковный староста: его полномочия и обязанности

По мнению новгородца Якова Герасимова, вина церковного старосты заключалась в недостаточно тщательном исполнении одной из его главных обязанностей — надзора за сохранностью имущества в церковном амбаре [31; 40], [33; 224]. Среди вопросов, заданных Семену Дмитриеву на смертном одре «духовным отцом» Яковом Дмитриевым, был следующий: «Казенного анбара ключи иному кому были не отдаваны ль, и церковной утвари ис того анбара что не утерялось ли?» [24; 20 об.—21]. Церковный староста уверенно заявил, «что те ключи были всегда в доме ево и никому не отдаываны и церковной утвари ис того анбара во утернии ничего нет» [24; 21]. Его слова, сказанные в присутствии многочисленных свидетелей, в числе которых были «поп Фома Евсевьев да дьякон Михей Петров и мирские люди... в болезни... после того как он... восприял иноческий чин и преименовался Савватием», для всех звучали более чем искренно: ведь все земное перед лицом смерти считалось бренным [24; 20 об.].

Тем не менее в ходе допроса выяснилось, что церковный староста не составил никакой описи имущества, принятого у Якова Герасимова и «девки» Елены; и более того, как сетовал позднее его сын Ивашка, «в скаски», данной при смерти, «написал, что пожитки принял, а сколько тех пожитков было... на лицо, их не видел» [24; 13 об.]. Вряд ли в действиях Семена Дмитриева можно усмотреть некое упущение, вызванное простой халатностью или даже выявившейся в ходе следствия неграмотностью. Ведь даже при не знавшем грамоту церков-

ном старосте всегда был определенным ему приходом в помощники церковный дьячок [31; 42].

М. М. Богословский подчеркнул, что во второй половине XVII в. во многих приходах соседней Устюжской и Тотемской епархии церковные старосты вообще не вели никакой отчетной документации или эта отчетность находилась «в очень запущенном состоянии» [31; 45]. В подтверждение ученый привел интересное свидетельство одного из них, несшего служение в Спасском приходе в местечке Лузские Пермцы Усольского уезда. С его слов, вплоть до 1686 г. «сборным деньгам и всякой церковной казне приходных и расходных книг у церковных старост не бывало, и тое церковную казну принимали старосты меж себя с рук на руки без письма, что на лицо денег или какие казны будет» [31; 45]. Только в некоторых приходах проверку наличности церковной казны проводили выборные волостные счетчики — как правило, по окончании старошения того или иного лица [33; 224].

Однако со второй половины XVII в. только письменная фиксация официального акта, тем более касавшегося сделок с имуществом, давала возможность обращаться в суд и требовать компенсации [1; 52]. Отсутствие документа было поводом к злоупотреблениям как со стороны истца, так и ответчика. Стремясь представить дело в выгодном для себя свете и зная о том, что опись имущества, переданного на хранение в церковный амбар, не была составлена, сын церковного старосты Ивашка Семенов вскоре обвинил новгородца Якова Герасимова в превышении суммы иска почти в три раза. В поданной митрополиту Иову встречной челобитной он заявил, что Яков Герасимов, «затея умыслом своим, в росписи» написал «пожитков своих по цене на сорок на три рубли на восминатцать алтын на две деньги, будто за малой товар, которого было на одиннатцать рублей на дватцать алтын» [24; 13 об.].

Заявление Ивашки Семенова не могло не насторожить владыку: как он мог так точно оценить имущество новгородца, хранившееся в амбаре, если заявлял, что «про те пожитки... у отца своего не слышал... и в тот церковной анбар не хаживал»? [24; 13 об.]. Предупреждая подобные подозрения, сын церковного старосты сообщал в той же челобитной, что во время кражи «лежал в болезни ж, а наперед того взят был... на Петровские железные заводы для справки дров на жжение угля» [24; 13 об.].

По его убеждению, имущество Якова Герасимова было похищено из амбара во время выдачи из него причетникам и клирикам богослужебных книг. Он, в частности, заявлял, что «отец ево грамоте был не учен и сам приискивать книг», хранившихся в амбаре, не умел, поручая это пономарю Тихону Федорову, который «во время-де старошенья отца ево в тот анбар... ходил для выбирания месячных миней и прочих книг...» [24; 22]. Для прихожан подобное утверждение не могло иметь под собой никакой почвы. В приходах северо-западного региона, как пишет В. М. Верюжский, церковный староста выдавал имущество из церковной казны согласно сложившемуся обычаю — в присутствии «мирских послухов» [33; 231]. Этот обычай бытовал и в приходах Заонежских погостов. Позднее сам пономарь подробно рассказал о нем на очной ставке: «Ради розбору месячных миней и иных книг в тот анбар с отцом ево Ивановым, Семеном, ходили того погоста церковных причетников и иных людей дети, которые грамоте умеют, кто когда прилучитца... а в ыные времена когда никого грамоте умеющих людей не случится, тогда и он, Тихон, с ним, отцом ево, к тому анбару ходил и становился при том анбаре за порогом, а в тот анбар входил и книги ради смотраения ему, Тихону, выдавал он, Семен, сам» [24; 23 об.].

Таким образом, служение церковного старосты Семена Дмитриева в приходе было основано на устных договоренностях, в основе которых лежали освященные веками обычаи и традиции. Они оставались в силе пока был жив староста: с его смертью прежних обещаний

никто не помнил, возникал соблазн нарушить их. Оставалась надежда только на «мирских послухов», которые могли хоть что-то знать. Недаром Ивашка Семенов просил провести расследование о факте кражи «тутошними и околными жители» [24; 14].

6. Родственные связи церковного старосты

Выдвижение в церковные старосты неграмотного Семена Дмитриева вызывает некоторое удивление — традиционно община избирала на ответственные земские должности людей опытных, владевших навыками чтения и письма [43; 258]. Реконструкция родства и фамильных связей Семена Дмитриева вполне объясняет выбор приходской общины.

Как выяснилось, отцом церковного старосты был священник Дмитрий Никитин Невежин, служивший в церквях Оштинского погоста в конце 1660-х — конце 1670-х гг. [17], [27; 41]. Следует отметить, что с 1660-х гг. Невежины стали играть значимую роль в жизни общины.

Родоначальником семьи стал крестьянин Микита Иванов, по прозвищу Невежа Беляев, проживавший в середине 1640-х гг. недалеко от погоста, в деревне Бачюринской Трутневской с сыновьями — Миткой (в котором можно угадать будущего священника и деда церковного старосты), Ивашкой и Офонкой [25; 502]. Братья не избежали записи в полки пашенных солдат. Ивашка и Офонка Никитины были отправлены в крепость на Лавуе и служили там в 1656/57 г., в то время как Митке Никитину удалось всеми правдами и неправдами остаться дома [26; 453 об.]. Согласно помете высылщика Ивана Дивова, он числился в списках тех, кто «з государевы службы... и из домов своих безвестно збежали» [26; 606, 637 об.]. Через несколько лет, в 1659/60 г., Митка Никитин объявился на Оште. Избранный на должность земского дьячка, он записывал по просьбам старост и повелениям сержантов разнообразные документы о розыске беглых солдат [10; 11], [11; 113, 117, 118, 119, 120, 121, 122]. С сентября 1660 г. и следующие восемь лет на страницах составлявшихся им грамот Митка Невежин называл себя церковным дьячком Оштинского погоста, пока не был рукоположен и не занял освободившееся место приходского священника [10; 90], [14; 3—4], [16; 1]. К концу 1670-х гг. ему удалось пристроить в причт своих детей. Священником стал Яков Дмитриев, церковным дьячком — Левка Дмитриев, а небезызвестный нам Сенка Дмитриев — пономарем [27; 41, 50 об.].

Братья и родные дяди Семена Дмитриева не раз занимали ключевые должности в общине. В 1675/76 и 1677/78 гг. в земские старосты миряне выбрали Офонку Никитина [20; 14], [21; 3—4], в 1680/81 г. — Левку Дмитриева [22; 1]. Используя прежние связи, они вполне могли помочь своему родственнику — сыну священника, к тому же бывшему пономарю, получить место церковного старосты.

Влиятельность семьи объяснялась в значительной степени уровнем ее благосостояния. Об этом свидетельствует, в первую очередь, сам факт неоднократного занятия членами семьи ключевых земских должностей. Как подчеркнула Е. Н. Швейковская, обычай избирать на земскую должность человека «доброе и прожиточное» был закреплен в формулярах выборных грамот и в качестве нормы стал обязательным для крестьянских общин Поморья. Эта практика была закреплена и в отношении кандидатов в церковные старосты наказом архиепископа Великоустюжского и Холмогорского Афанасия в 1686 г. [31; 41]. М. С. Черкасова приводит сведения, свидетельствующие о том, что установленный порядок тщательно соблюдался в начале XVIII в. в приходах Вологодского края [38; 219].

О состоятельности Невежиных можно судить и исходя из того, что некоторые из них были готовы платить деньги взамен службы в полках пашенных солдат. Такой выход для себя, например, нашел Офонка Микитин, нанявший на службу жителя соседнего Мегорского по-

госта Алешку [12; 2—3]. Д. В. Брусницына подчеркнула, что подобный способ освобождения от службы могли позволить себе не все крестьяне — в основном самые обеспеченные [32; 13—14].

Известно также, что семья не раз выдавала общине займы деньги и хлеб. Так, в конце 1658 г. драгун Ивашка Микитин Невежин, дядя будущего церковного старосты Семена Дмитриева, подал на рассмотрение олонецкому воеводе Василию Александровичу Чоглокову челобитную. Он просил взыскать долги «по кабалам отца своего» со старосты погоста Захария Григорьева — четыре рубля, с крестьян Ивана, Семена и Назария Ивановых «с товарыщи» — два рубля. Помимо этого, ему причиталось «взять безкабално на Давыдке Юрьеве ржи полкоробьи» [6; 14]. Для сравнения отметим, что на выданную мирянам сумму можно было приобрести целое состояние: двадцать пудов рыбы на Сямозере (328 кг) или четырех коров и четырех овец на Яндомозере в Кижском погосте [7; 46], [9; 25].

Исследователи не раз обращали внимание на влияние в приходах северо-запада отдельных крестьянских семей. Так, одним из первых В. М. Верюжский отметил, что «вследствие близости между духовенством и крестьянами и единства у них интересов в церковные старосты избирались иногда и приходские священники» [33; 225]. Развивая эту мысль и указывая, что в Устюжском уезде церковные старосты нередко являлись понятыми, производили следствие и обыски, разбирали челобитные «по всякого рода правонарушениям» и получали наказные памяти от воевод, М. М. Богословский сделал вывод, что совмещение в одних руках церковных и земских обязанностей свидетельствовало о совпадении «земской областной единицы» и «церковной общины» [31; 41, 44]. Историк привел интересный пример о родственных связях церковного старосты Ильинского прихода Ентальской волости Устюжского уезда, который был избран в августе 1686 г. в судейки потому, что его дядей был подьячий устюжской воеводской канцелярии [31; 41].

Опираясь на актовый материал и достижения историографии, Е. Н. Швейковская подчеркнула, что в Поморье «сложились группы людей, составлявшие очень тонкую прослойку, которые как бы специализировались на мирском управлении» и, кроме того, являлись представителями одних и тех же крестьянских семей, чьи представители замещали земские должности из поколения в поколение на протяжении многих лет¹ [43; 258—259].

Изучение генеалогии церковного старосты Семена Дмитриева позволяет утверждать, что в приходе Оштинского погоста — как и в Поморье — отдельные крестьянские семьи удерживали за собой власть и влияние, занимая ключевые земские и церковные должности — земских и церковных старост, священно- и церковнослужителей.

7. Митрополит новгородский и организация управления сельскими приходами

Подача новгородцем Яковом Герасимовым челобитной в архиерейский разряд позволяет судить о том, что принятое на церковном соборе в 1667 г. определение о рассмотрении исков, касающихся церковно-приходских дел, архиереями, а не светскими властями в лице воевод, успешно претворялось в жизнь² [2; 699], [34; 162].

¹ Автор приводит примеры выбора в старосты в селе Никольском архиепископской домово́й вотчины вместо престарелого Любима Наумова сына Губкина его брата (1683 г.); об исполнении должности целовальника дедом и отцом крестьянина Данилки Алексеева из волости Лежский Волок [43; 258—259].

² До упразднения в 1666 г. Монастырского приказа подобные ситуации, возникавшие в Заонежских погостах, разбирались олонецким воеводой. См., например, дело о краже пономарем Семеном Дмитриевым драгоценностей и денег из хранившейся в «церковной казне» коробейки Акулины Исаковой, лежавшей при смерти [8].

С момента приезда ответчика и истцов в Великий Новгород в июне 1711 г. и до сентября того же года судопроизводство почти не продвигалось. В челобитной, поданной несколько месяцев спустя, Ивашка Семенов обвинил в этом подьячего Новгородского Софийского дома Гаврилу Лапшинского, который, якобы «наровя им, челобитчиком», иск самого Ивашки, поданный в июне, «от... выписки отставил» [24; 13 об.]. Челобитчик пытался уверить владыку в том, что именно происками подьячего его обвинили «без допросу... напрасно, будто... в Оштинском погосте дьяку Якову Лапшинскому по трем посылкам не явился и от посланного будто ухоронился» [24; 14]. Подыскивая слова в свое оправдание и прося «дело перенести в Заонежской стол к подьячему Анисиму Конанову», Ивашка Семенов объяснял свое отсутствие следующим образом: «я, бедной, в то время в домишки своем не был, а был в отъезде ради своей домовой нужды, а от посланного не ухаранивался и из домишку своего не бегал» [24; 14]. Обвинение, выдвигаемое сыном церковного старосты, было достаточно серьезным и свидетельствует о знании им и его советниками норм законодательства, согласно которым с подьячего, который «волочил кого многое время для посулу, а сделать было ему то дело вскоре мочно», полагалось «доправить проесть с того числа, как дело зачалось, да по то число, как о том деле учнет челобитчик бить челом, по две гривны на день, да... за то чинить наказанье... бить... кнутом» [1; 32].

Однако слова Ивашки Семенова не были приняты в расчет. Ознакомившись с отписками подьячего, новгородский митрополит Иов возложил на него всю ответственность за кражу. Свое решение владыка обосновывал тем, что Ивашка нарушил установленный статьей 115 главы X «О суде» Соборного Уложения 1649 г. порядок судопроизводства: «в деревню по трем посылкам к ответу не пошел, и от посланного ухоронился, и потом как был в Новгород выслан в нашем розряде на срок, и после срока в шесть недель до вершения дела не явился, и от посланных по него недельщиков укрылся» [1; 40], [24; 27 об.]. В то же время, указание в наказной памяти о том, что Ивашка Семенов «и по иным многим винам к тому иску приличился», заставляет предположить наличие у владыки более веских доказательств вины Ивашки Семенова, упоминать о которых в грамоте он не счел необходимым [24; 27 об.].

Все еще стремясь оправдать себя и не допустить взыскания «неправого иску... будто по просрочке... вдвое», сын церковного старосты подал в архиерейский разряд сразу три челобитные — в сентябре и октябре 1711 г. и в январе 1712 г. — с просьбами об организации розыска [24; 14—14 об.].

Во исполнение принятого решения и одновременно идя навстречу челобитчику, митрополит Иов отправил в октябре 1711 г. в Оштинский стан Заонежской десятины две наказные памяти. Одна из них была адресована священникам Ивану Маркову из Койсельгской волости Оштинского погоста и Ивану Стефанову из Мегорского погоста. Им повелевалось взыскать всю сумму иска с Ивашки Семенова и лиц, за него поручившихся [24; 27 об.]. Другую грамоту получил поповский староста Оштинского стана Дмитрий Ефтехиев, священник Остречинского погоста, и определенный ему в помощники клирик Никольской церкви Оштинского погоста Фома Евсеев [24; 14]. Они должны были допросить всех прихожан о факте кражи. Давая столь ответственные поручения сельским клирикам, а не подьячим архиерейского разряда, митрополит Иов, безусловно, надеялся на то, что они быстро справятся с делом.

8. Сын церковного старосты и его окружение

В возникшем разбирательстве сын церковного старосты уверенно полагался на содействие родственников и знакомых своего отца. Среди лиц, поручившихся за него, были оштинские клирики — священник Василий Яковлев и дьякон Анкидин Филимонов. Священник, занявший в причте место овдовевшего отца Якова Дмитриева, приходился Ивашке Семенову тро-

юродным братом [24; 27], [29; 253], [30; 54]. Дьякон Анкидин Филимонов — еще будучи простым мирянином — поддержал кандидатуру соседа по деревне и дальнего родственника от- ветчика — Офонки Никитина сына Невежина¹ — на должность земского старосты [21; 1, 4].

В числе поручителей значился также бурмистр оштинской таможни Андрей Невежин [24; 27]. Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют уверенно полагать, что Андрей Невежин приходился троюродным братом Ивашке Семенову. За несколько лет до тяжбы он проживал в деревне Трутневской в Оштинском погосте, числясь в одном дворе с отцом — посадским человеком Авдеем Невежиным [28; 87об.]. Именно в этой деревне в се- редине 1650-х гг. проживали Митка, Ивашка и Офонка Никитины Невежины [26; 453 об., 637 об.], при этом один из них — Ивашка Никитин — в середине 1670-х — начале 1680-х гг. значился в документации олонецкого воеводы посадским человеком [18; 2], [23; 5]. Авдей Невежин, по всей видимости, был его сыном.

Ивашку Семенова поддержали, поручившись за него, и «мирские люди» Оштинского пого- ста Алексей Андреев, Андрей Кириллов Кузнецов, Филимон Семенов Томинов, Кирилл Ан- дреев, Тимофей Андронов, Юрий Васильев Димшуков, Иван Тумасов Жгульнев, Федор Козьмин Хабаров, Григорий Никонов, Иван Тарасьев и Леонтий Колцын² [24; 27, 33 об.].

Однако никто из них не стал сразу же выплачивать новгородцу сумму иска, как того требо- вал владыка. Из отписок, поданных митрополиту Иову священниками Иваном Марковым и Иваном Стефановым, становится ясно, что клирикам пришлось отправлять по деревням собственных «ходоков» — Федора Вострого (22 и 23 ноября), Ивана Лукина Койсельгского и Артемия Семенова Мегорского (28—30 ноября) [24; 33]. Тем не менее их усилия остались тщетными.

Первый — Федор Вострого — вступил даже какой-то разговор со старостой Акимом Нико- новым, который его вскоре «отвел», не дав составить «доезд за рукою», и, со слов священни- ков, «выслал неведомо каким вымыслом или согласиём» [24; 32]. Другим двум «ходокам» все же удалось подать отписку. В ней они уведомляли клириков о том, что «мирские люди», поручившиеся за Ивашку Семенова, от ответа уклонились и сумму иска не выплатили по самым разным причинам. Так, Андрей Кириллов, Кирилл Андреев и Тимофей Андронов «съехали-де в Кириловский монастырь за Белоозеро»; Григорий Никонов «сшел-де на Свирь»; Федор Кузьмин, Юрий Васильев, Иван Тарасьев и Иван Тумасов просто «не пошли, учинились непослушны»; Филимон Семенов «за сбором окладного хлеба в мире», а Алексей Андриев «в сентябри месяцы умре» [24; 33].

Считая предпринятые меры недостаточными, священники Иван Марков и Иван Стефанов сами приезжали на Ошту — 12—13 и 28 ноября. Им удалось разыскать священника Василия Яковлева, дьякона Анкудина Филимонова, Андрея Невежина и Левонтия Колцына, кото- рым они «архиерейский указ объявили и на правезы держали» [24; 32]. Следует отметить, что клирики вполне могли отказаться от принятых на себя обязательств. Одно из определе- ний церковного собора 1667 г. повелевало «всякому причетнику, и иноку, и инокине... в мирская попечения себе не влагати..., ниже поручатися за кого», и утверждало, что такая порука, особенно если «кто неведением от причетников или от монахов... даст» ее, «ни во что же да вменится» [2; 701]. Однако поручившиеся не отказались нести ответственность за своего родственника и соседа, и хотя всю сумму «платежа... не явили», но «давали платежа

¹ Ивашка Семенов был его внучатым племянником.

² Такой состав поручителей значится в отписке священников Ивана Маркова и Ивана Степанова от 1 декабря 1711 г.; в наказной памяти владыки недельщику Давыду Григорьеву от 25 февраля 1712 г., вероятно, по ошибке, пропущено имя Ивана Тарасьева.

свои помысли» [24; 33]. Возражений не высказал на этот счет и сам владыка и даже выговаривал священникам Ивану Маркову и Ивану Стефанову, почему они не приняли эти деньги «и... того иску...» хотя бы частично «не доправили» [24; 27 об.]. Клирики, не имея подробных разъяснений, вероятно, не проявили инициативы, хотя вполне могли и договориться с поручителями — своими товарищами по службе. Так или иначе, четыре месяца спустя — с октября 1711 г. по март 1712 г. — деньги в пользу новгородца Якова Герасимова так и не были взысканы ни с Ивашки Семенова, ни с его поручителей.

Задержка оказалась на руку сыну церковного старосты. В ходе проведенного к декабрю 1711 г. поповским старостой Оштинского стана Дмитрием Ефтехиевым обыска как будто бы выяснилось, что «того Оштинского погоста просфирня, вдовая попадьа Овдотья Андреева дочь, к тем... пожиткам приличилась» [24; 14]. Слух о краже имущества из церковного амбара вдовой попадьей распространяли две прихожанки, одна из которых — «инокиня» Екатерина, со слов сына Овдотьи Андреевой, была «истцу Ивану мать крестная» [24; 23]. Она заявила, что, «будучи при смерти своей», церковный староста рассказывал ей что-то о просфирне, но «записать тех... слов в то число было некому» [24; 21 об.].

Другая прихожанка, крестьянская «девка» Катерина Семенова из деревни Гамалинской, свидетельствовала, что какое-то время спустя после кражи она слышала от Натальи Федоровой, дочери вдовой попадьи, что «мать ее, просфирня Овдотья, подзатыльник¹ и борочик² жемчужной купя, ей, Натальи, дала и что надобно то жемчужное низанье перенизать ей, Катерине» [24; 19 об.]. Узнав об этих показаниях, новгородец Яков Герасимов с уверенностью стал утверждать, что «владеет теми пожитками того Оштинского погоста житель Петр Мехкелев, вышеименованной просфирни зять» — муж Натальи Федоровой [24; 14]. Таким образом, к декабрю 1711 г. подозрение от сына церковного старосты было хотя бы на время отведено; в краже уличали семью вдовой попадьи.

Стоя на правее в Великом Новгороде и торопясь снять с себя обвинения, Ивашка Семенов в одной из челобитных сетовал, что «просфирня по такой их, попов, понарови, не токмо в скорых числах, но и в восьми недель в твоём архиерейском розряде, видя вину свою, не явилась», хотя «с того Оштинского погоста в Великий Новгород возможно явитце в неделю и меньше, и та явная ей вина и их, попов, понаровка по тому означилась» [24; 15 об.]. Своим заявлением он пытался не только обвинить в неисполнительности поповского старосту, но и показать, что не он один нарушает сроки явки в суд.

9. Семья вдовой попадьи и ее родственные связи

Семья обвиненной в краже вдовой попадьи незадолго до возвышения рода Невежиных — в 1660—1670-е гг. — принимала самое непосредственное участие в приходской жизни. Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют заключить, что отцом Овдотьицы Андреевой был служивший в церквах Оштинского погоста в 1660-е гг. священник Андрей Кириллов [13; 59]. Дядю Овдотьицы — священника Ивана Кириллова — одним из первых избрали в начале 1660-х гг. на видную должность поповского старосты Оштинского стана Заонежской десятины, требовавшую от кандидата определенного уровня достатка, опыта общения с прихожанами и службы в храме [15], [36; 238].

Муж Овдотьицы — рукоположенный во дьяконы Федор Никитин — состоял в причте оштинских церквей в конце 1670-х гг. [19], [20; 12—14]. Он претендовал на место своего зятя-свя-

¹ *Подзатыльник* — часть женского головного убора в виде оборки, закрывающая волосы на затылке [44; 260].

² *Борок* — женские шейные украшения, бусы [45; 16].

щенника и вскоре получил его. Со смертью отца и затем мужа Овдотьица Андреева осталась без влиятельных покровителей, однако ко времени тяжбы подросли ее дети: дочь Наталья была выдана замуж на крестьянина Петра Мехкелева из деревни Фоминской, сыновья Тихон и Артемон вели собственное хозяйство в деревне Бачюринской; один из них — Тихон — даже был избран на должность пономаря в церковный причт [29; 253 об., 254 об.]. Именно ему вскоре пришлось отправиться в суд, как так мать его была «в престарелых летах и очьми скорбна, ити никоими делы» не могла [24; 17 об.].

10. Истцы и ответчики перед лицом суда

Очная ставка между Ивашкой Семеновым и Тихоном Федоровым состоялась в архиерейском разряде 5 февраля 1712 г. [24; 19—23]. Ответчик отрицал выдвинутые против его матери обвинения, высказанные «инокиней» Екатериной и «девкой» Катериной Семеновой, с которыми у его семьи сложились достаточно натянутые отношения. Пономарь разъяснял, что «инокиня» не только сочувствовала своему крестнику Ивашке Семенову, но и пыталась навредить Тихону Федорову, так как тот ей выговаривал «не по одно время при трапезнике Иване Тарасеве, что она, восприявши иноческий чин, живет не в монастыре, но у сына своего, Леонтия, в мирском доме не по обычаю монашескому» [24; 23].

Согласно сложившемуся столетиями обычаю, постригавшиеся в монашество престарелые крестьяне нередко оставались в родных местах, проживая в кельях на погосте близ сельской церкви [37; 34—36, 46, 70]. Однако на церковном соборе 1667 г. было принято определение, повторявшее требование Стоглава 1551 г. и устанавливавшее жесткий контроль над жизнью монашествующих лиц. Им запрещалось под страхом наказания, церковного и гражданского, проживать в миру — «зане прельщают и соблазняют оба чина иноческий и мирский» [2; 700]. Поведение Тихона Федорова позволяет утверждать, что, стремясь искоренить древний обычай, он был активным сторонником проводимых церковными властями начинаний.

На эту мысль наводит и свидетельство пономаря против «девки» Катерины, которая якобы «про жемчужное низанье сказала ложно», «мстя ему» за его сестру Натальицу Федорову [24; 22 об.]. Со слов Тихона Федорова, сестра «в прошлом 711-м году извещала на нее, Екатерину соседом своим, что она, Екатерина, приводила к невестки своей, которой имени не упомнит, того ж погоста бобыля Лариона Андреева для блудного дела, на котором блудодеянии он, Ларион, был и пойман, о чем того погоста у старосты Василья и дело есть» [24; 22 об.]. Показания пономаря убеждают в том, что он сам и члены его семьи открыто, нередко в присутствии крестьян, пытались в обход священников пресекать «нестроения» в повседневной жизни прихода, указывая прихожанам на проступки, касавшиеся их личной жизни и несоответствовавшие церковным канонам, чем, безусловно, вызывали недовольство последних.

Сам Тихон Федоров не сомневался в том, что у Ивашки Семенова было немало сторонников. Первоначально он относил к их числу и поповского старосту Оштинского стана Дмитрия Евтихеева, который по непонятным для него причинам очень медленно вел розыск, «знатно что стакавши с ним, Иваном, хотя тот иск... навалить напрасно» [24; 17 об.]. Однако спустя несколько месяцев его мнение изменилось.

Еще в ходе допроса его сестра Наталья утверждала, что «просфирня Евдокея... жемчужного... поздатыльника и борочка ни у кого никогда не купивала, и ей, Натальи, не даывивала, и перенизывать не веливала, толко есть у неи, Натальи, один подзатыльник жемчужной, и тот купил муж ее, Петр, прежде кражи вышеозначенных пожитков за год или болше Шуйского погоста у крестьянина Тимофея Никифорова, которой вместо взятья по цене денег заверстал себе ево, Петров, заемной хлеб» [24; 20]. Муж Натальицы, Петр Мехкелев, как

только «про...девки Катерины скаску уведомился, и тогда... тот подзатыльник для подлинного свидетелства...» решил принести [24; 20]. Причем сделал это через священника Шимозерской волости того же Оштинского погоста Илью Осипова, который проезжая из выставки в погост, взял с собой «подзатыльник жемчужной» и принес для дознания поповскому старосте и «товарищу» последнего — своему троюродному брату священнику Фоме Евсееву [24; 22 об.], [27; 48, 88]. Яков Герасимов, со слов того же пономаря, «в тот подзатыльник не дознался и своим не назвали и прилики никакой на тот подзатыльник при том розыске не явилось» [24; 20—20 об.].

Очную ставку проводили подьячие архиерейского разряда в присутствии «духовного судии», приказного монаха Стефана «с товарищи». Митрополит Иов узнал о том, что деньги еще не взысканы с Ивашки Семенова и виновные не найдены, лишь две недели спустя, когда Тихон Федоров подал челобитную с просьбой вынести решение по делу, чтобы он мог поехать домой: «убытчусь zde... с нынешняго 712-го году з генваря месяца и проедаюся и по се число, а без твоего архиерейского указу домовъ съехать... не смею» [24; 24 об., 27].

В грамоте, отправленной с недельщиком Давыдом Григорьевым, владыка по-прежнему признавал виновным сына церковного старосты и, прекращая разбирательство, потребовал взыскания с него и его поручителей всей суммы иска в пользу новгородца Якова Герасимова «под страхом жестокаго ослушником истязания». Он также выражал свое недовольство священникам, которые, с его точки зрения, затянули со взысканием денег и пригрозил наложением на них «немалой пенни» [24; 27 об.].

11. Выводы

Изучение житейской ситуации на Оште позволяет уверенно полагать, что все наиболее значимые дела на протяжении нескольких десятилетий решались в приходе небольшой группой лиц, связанных между собой узами родства и общими интересами. Зажиточность и знание грамоты выдвинуло их в число самых влиятельных людей, не раз занимавших ключевые земские должности и места в церковном причте. Взаимная поддержка, умение договориться друг с другом и продвинуть в нужный момент неграмотного родственника свидетельствуют о своего рода клановости, которая позволяла членам этих семей сохранять за собой ведущую роль в жизни общины.

В карельских приходах — как можно думать исходя из анализа казуса — политика церковных властей была направлена не столько на пресечение участия общины в хозяйственных делах прихода, сколько на ужесточение контроля за нравственной и духовной жизнью крестьян. Поэтому здесь продолжала сохраняться тесная связь между клиром и мирянами, в основе которой лежали родство и общность интересов, в то время как в соседней Великоустюжской и Холмогорской епархии активная деятельность владыки Афанасия уже в 1680—1690-е гг. привела к постепенному отстранению общины «от живого участия в церковных делах» [31; 46]. По мнению М. М. Богословского, приход на Русском Севере стал терять «самоуправление», превратился вскоре в «церковно-бюрократическую областную единицу, в которой и причт, и хозяйственное управление организуется сверху, епископской властью» [31; 46].

Особенно отчетливо черты бюрократизации в конце XVII — начале XVIII в. стали проявляться в приходах центральной полосы — московском, суздальском, ярославском, вяземском и других уездах. Там, как установил П. С. Стефанович, церковных старост вовсе не было либо они являлись исключительно помощниками священников и пономарей, заведовавших церковной казной [35; 273]; в тех же приходах, в которых должность церковного старосты все еще «была полнокровным образованием», между церковным старостой и прихо-

жанами, с одной стороны, и клиром, с другой, возникали конфликты [35; 275—276]. Из примеров, приведенных исследователем, становится ясно, что в основе этих конфликтов была отчужденность, возникшая между мирянами и клиром, члены которого зачастую являлись пришлыми людьми [35; 277].

В карельских приходах сельское духовенство, происходя из самых влиятельных крестьянских родов, по-прежнему в каком-то смысле стояло во главе всего «мира» и умело договариваться с ним. Отсутствие налаженной вертикали церковной власти приводило к тому, что клирики, рассчитывая на поддержку крестьян, в некоторых случаях закрывали глаза на их слабости и попускали «нестроения» в своих приходах, тем самым сохраняя свою достаточно независимую позицию.

Они не всегда доверяли поповским старостам, избранным из их же среды представителям духовенства, которые должны были контролировать церковно-приходскую жизнь небольшого церковного округа — стана. В поповском старосте и его помощниках видели не только слуг новгородского владыки, проводивших в жизнь его повеления, но и членов общины, которые, будучи облеченными особыми полномочиями, могли повернуть ход дела в пользу нужного человека. Сам митрополит подозревал поповского старосту и десятских священников если не в сочувствии обвиняемым, то в недостаточно быстром исполнении доверенных поручений. И его подозрения, по всей видимости, не были беспочвенны. Однако сочетая разные способы управления, в том числе путем привлечения к разбирательству не только поповских старост, но и светских слуг, новгородский митрополит проводил в жизнь принятые им решения и пресекал своеволие сельских клириков, не обращая внимания на их семейные связи и соседские отношения с кем бы то ни было.

Библиографический список

I. Источники

Опубликованные

1. 1649 г. — Соборное Уложение. Текст. Комментарии / подготовка текста Л. И. Ивиной; Ред. колл. В. И. Буганов, М. П. Ирошников, А. Г. Маньков, В. М. Панеях; Комм. под рук. А. Г. Манькова. — Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1987. 448 с.
2. 1667, июня 17. — Выписка из деяний Собора, бывшего в сем году в Москве. О лицах духовного ведомства, об устройстве судов патриаршаго и епископских, об имуществе домовых патриарших, епископских и монастырских, о новом разделении епархий, о благочинии церковном и монастырском, о супружестве священников, диаконов и причетников и об уничтожении царских жалованных монастырям грамот, испрошенных патриархом Никоном // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1. Т. 1 (1649—1675 гг.). — Санкт-Петербург: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. — С. 698—715. — № 412.
3. 1681, февраля 25 — 1682, марта. — Памяти митрополита Новгородского Корнилия о соблюдении поста и о непострижении мужей от живых жен и жен от живых мужей // Дополнения к актам историческим. Т. 8. — Санкт-Петербург: Типография Э. Праца, 1862. — С. 316. — № 92.
4. 1683, февраль — май. — Грамоты новгородского митрополита Корнилия Оштинского стана Шелтозерской волости священнику Ивану 1) о том, чтобы прихожане церквей, находящихся в означенном стане, говели в наступающем великом посту, 2) о наблюдении, чтобы духовенство и миряне крестились троеперстным сложением // Дополнения к актам историческим. Т. 10. — Санкт-Петербург: Типография Э. Праца, 1867. — С. 321—322. — № 76.

5. 1686, декабря 20. — Наказ подьячему митрополичья духовного приказа в Новгороде Семену Прокофьеву, посланному в Заонежские погосты для объявления тамошнему духовенству митрополичья указа о церковном благочинии, о преследовании раскольников, о наблюдении за нравственностью прихожан, о доставлении в Новгород великопостных росписей о говевших // Дополнения к актам историческим. Т. 12. — Санкт-Петербург : Типография В. В. Платца, 1872. — С. 319—321. — № 35.

Неопубликованные

Научный архив Санкт-Петербургского института истории РАН

6. 1654—1676. — Челобитная драгуна Никольского Оштинского погоста Ивашки Невежина с просьбой взыскать деньги и хлеб по кабалам и записям со старосты Захария Григорьева и крестьян Ивана Иванова, Семена Иванова, Назарья Иванова и Давыдки Юрьева // Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 98. Олонецкая воеводская изба. К. 2. Д. 92. Сст. 14.
7. 1658, декабря 7. — Дело об отказе жителя Яндомозерской волости Спасского Кижского погоста Федора Микитина сына Боранова делиться «приданным» своей умершей жены Анны Назарьевой с ее племянником Игнашкой Ермолиным // Там же. К. 2. Д. 92. Сст. 46—47.
8. 1659, января 7. — Дело о краже бывшим пономарем Рождественского Мегорского погоста Сенкой Дмитриевым денег и драгоценностей из коробейки лежавшей при смерти Акилины Ивановой, матери солдата Захара Григорьева сына Сальцова // Там же. К. 2. Д. 92(6). Сст. 9—10.
9. 1659, февраля 23—24. — Дело о незаконном присвоении целовальником 1657/58 г. Ивашкой Степановым Долгого рыбы, которую Оска Яковлев сын Львов купил на Сямозере для подьячего олонецкой воеводской избы Дружины Протопопова // Там же. К. 2. Д. 92. Сст. 25—26.
10. 1659—1661, января 19. — Дело о розыске беглых солдат и драгун разных погостов Олонецкого уезда и возвращении их на службу в полки // Там же. К. 3. Д. 82. Сст. 1—97.
11. 1660, марта 6 — декабря 10. — Поручные записи солдат, родственников беглых солдат и наймитов разных погостов Олонецкого уезда в том, что они, их родственники или наймиты пойдут на государеву службу в полк князя Ивана Андреевича Хованского // Там же. К. 3. Д. 76. Сст. 1—172.
12. 1660, августа 22 — ноября 2. — Дело о розыске умерших и беглых солдат и драгун разных погостов Олонецкого уезда, а также об организации высылки солдат-«нетчиков» и новоприборных в полки // Там же. К. 3. Д. 83. Сст. 1—61.
13. 1662, октября 24. — 1665, апреля 25. — Дело о расследовании злоупотреблений бывших старост Никольского Оштинского погоста при сборе денег для выплаты кабал, взятых «в новгородскую издержку», и на содержание дворянина Семена Мякина // Там же. К. 5. Д. 124. Сст. 1—59.
14. 1663, май — 1664, ноября 24. — Дело о взыскании со старосты Верховской трети Никольского Оштинского погоста 1662/63 г. Василия Игнатьева Грязного денег и хлеба в пользу жителя того же погоста Еремея Дружинина за службу ямщиком // Там же. К. 5. Д. 181. Сст. 1—4.
15. 1663, сентября 13. — Список с богомольной грамоты, составленный поповским старостой Оштинского стана Иваном Кирилловым, с повелением всему духовенству и мирянам совершать молебны в храмах во все церковные праздники и в царские именины согласно установленному порядку // Там же. К. 4. Д. 70. Сст. 1—2.
16. 1664, ноября 9. — Поручная запись Ивана Григорьева сына Мевкелева, Агафона Степанова и Михайлы Васильева Илметевых, данная пушкарю Кондрашке Омельянову, за старост Никольского Оштинского погоста 1662/63 г. Шалима Моисеева и Кирилла Иванова Рудного в том, что они не уедут из Олонца и будут «ставитца... в съезжей избе» перед воеводой Василием Чоголковым до окончания «счетного дела» // Там же. К. 5. Д. 179. Сст. 1.
17. 1668, марта 10. — Отписка священника Никольского Оштинского погоста Дмитрия Никитина олонецкому воеводе Замятне Леонтьеву об отказе жителя того же погоста Фетки Попова выплатить кабальный долг священнику Ладвинской волости Рождественского Остречинского погоста Роману Иванову // Там же. К. 6. Д. 37. Сст. 1.

18. 1675, апреля 16. — Дело о взыскании долгов с жителей Никольского Оштинского погоста Жданки Савина и других (всего 5 имен) в пользу олонецкого посадского человека Гришки Фадеева // Там же. К. 7. Д. 8. Ст. 1—3.
19. 1675, август — сентябрь. — Дело о выборе в старосты Никольского Оштинского погоста на 1675/76 г. крестьянина того же погоста Семена Юрьева // Там же. К. 7. Д. 101. Ст. 1.
20. 1677, августа 25 — ноября 11. — Дело о выборе старост Никольского Оштинского погоста на 1677/78 г. // Там же. К. 8. Д. 133. Ст. 1—14.
21. 1677, сентябрь. — Мирская челобитная крестьян Никольского Оштинского погоста Филки Ксенофонтова и других (всего 64 имени) с просьбой утвердить на должности старосты крестьянина того же погоста Офонку Никитина сына Невежина и отказать в должности другим бывшим старостам // Там же. К. 9. Д. 1. Ст. 1—5.
22. 1680, марта 9. — Отписка старосты Никольского Оштинского погоста Левки Дмитриева олонецкому воеводе Якову Максимовичу Стрешневу и дьяку Льву Федоровичу Савлукову с сообщением о том, что он собрал «государевы хлебные запасы» с крестьян своего «старошениния» за 1678/79 г. и отправил их на Олонец в приказную избу с «выборным» целовальником Иваном Степановым Свечниковым // Там же. К. 9. Д. 65. Ст. 1.
23. 1681, мая 3. — Запись об отправке наказной памяти земскому дьячку Рождественского Мегорского погоста Ивану Дьяконову, олонецкому посадскому человеку Ивашке Невежину и «волостному человеку» Оштинского погоста Фомке Томилову с повелением разыскать жителя Торозерской волости того же погоста Ивашку Софонтиева «с товарищами» и «судить вправду», а в случае затруднений выслать дело, истца и ответчиков, взяв за них поручные записи, в суд на Олонец к 1 октября 1681 г. // Там же. К. 10. Д. 319. Ст. 5.
24. 1709—1712. — Дело новгородского архиерейского разряда // Там же. Ф. 183. Коллекция новгородских актов. Д. 549. Ст. 13—33.

Российский государственный архив древних актов

25. 1646. — Переписная книга Заонежских погостов И. Писемского, Л. Сумина и подьячего Я. Еуфимьева // РГАДА. Оп. 1. Ф. 1209. Поместный приказ. Кн. 980. 577 л.
26. 1657. — Переписные книги солдат Заонежских погостов И. С. Дивова // Там же. Ф. 137. Боярские и городовые книги. Оп. 1. Олонец. Кн. 5. 1130 л.
27. 1678. — Переписная книга Заонежских погостов Олонецкого уезда И. А. Аничкова, И. Н. Аничкова и подьячего И. Венякова // Там же. Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 1. Кн. 1137. Ч. 2. 427 л.
28. 1707. — Переписная книга жителей посада, стрельцов, пушкарей, приказных служителей и церковнослужителей Г. А. Корсакова // Там же. Оп. 1. Кн. 8578. Л. 1—109.
29. 1707. — Переписная книга частновладельческих, монастырских и дворцовых крестьян Оштинской половины Олонецкого уезда М. Л. Мордвинова // Там же. Оп. 1. Кн. 8578. Л. 110—612.
30. 1720—1723. — Книга Олонецкого уезду церковником и других чинов разночинцом, которые в оклад не положены // РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Д. 2374. 159 л.

II. Научная литература

31. *Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 2. Деятельность земского мира. Земство и государство / М. М. Богословский. — Москва : Имп. О-во истории и древностей российских при Московском ун-те, 1912. 394 с.
- Брусницына Д. В.* Наймиты и их «хозяева» в олонецких полках пашенных солдат (1649—1666) // CARELiCA [Электронный ресурс] : научный электронный журнал / Петрозаводский гос. ун-т. — Электрон. журн. — Петрозаводск : ПетрГУ, 2013. — № 1 (10). — С. 10—18. — Режим доступа к журн.: [http://carelica.petrso.ru/CARELiCA_/Articles_1/Entries/2013/10/31_Najmity_i_ih_hozaeva_v_oloneckih_polkah_pasennyh_soldat_\(16491666\).html](http://carelica.petrso.ru/CARELiCA_/Articles_1/Entries/2013/10/31_Najmity_i_ih_hozaeva_v_oloneckih_polkah_pasennyh_soldat_(16491666).html)
- Верюжский В. М.* Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще Русской Церкви в конце

XVII в. Церковно-исторический очерк / В. М. Верюжский. — Санкт-Петербург : Типография И. В. Леонтьева, 1908. — 683 с.

32. *Перов И.* Епархиальные учреждения в Русской Церкви в XVI и XVII веках (историко-канонический очерк) / И. Перов. — Рязань : Губ. типография, 1882. — 210 с.
33. *Стефанович П. С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI—XVII вв. / П. С. Стефанович / отв. ред. Б. Н. Флоря. — Москва : Индрик, 2002. — 352 с.
34. *Суслова Е. Д.* Институт поповских старост в Карелии раннего нового времени // Университеты в образовательном пространстве региона: опыт, традиции и инновации : Материалы VI региональной научно-методической конференции (г. Петрозаводск, 22—23 ноября 2012 г.). Ч. 2 (Л—Я). Петрозаводск, 2012. — С. 237—238.
35. *Суслова Е. Д.* Церковно-приходская система в Карелии конца XV — начала XVIII века [Эл. ресурс] / науч. ред. И. А. Чернякова. — Электрон. дан. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2013. — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
36. Черкасова М. С. К изучению церковно-административных и территориальных структур на Русском Севере в XVI — начале XVIII в. // Государство и общество в России XV — начала XX века: сб. ст. памяти Н. Е. Носова. — Санкт-Петербург : Наука, 2007. — С. 206—223.
37. *Чернякова И. А.* Опыт подготовки электронной публикации архивной коллекции «Олонецкая воеводская изба» в Исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии / И. А. Чернякова, О. В. Черняков // Рябининские чтения-2011: Материалы VI конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера (Петрозаводск, 12—17 сентября 2011 г.). Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2011. — С. 196—199.
38. *Чернякова И. А.* Алтарные посвящения приходских церквей как отражение православного менталитета крестьянина-карела Донионовской эпохи / И. А. Чернякова, О. В. Черняков // Православие в судьбе Урала и России: история и современность: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Екатеринбург, 18—20 апреля 2010 г.). Екатеринбург : ИИА УрО РАН ; Издательство Екатеринбургской епархии, 2010. — С. 34—46.
39. *Чернякова И. А.* Андрусов монастырь на пороге Нового времени: к истории старообрядчества в Карелии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия История. № 4. 2008. — С. 15—30.
40. *Чернякова И. А.* Карелия на переломе эпох : Очерки социальной и аграрной истории XVII века. / И. А. Чернякова. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 1998. — 295 с.
41. *Швейковская Е. Н.* Русский крестьянин в доме и мире : северная деревня конца XVI — начала XVIII века. — Москва : Индрик, 2012. — 368 с.

III. Справочная литература

42. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 15 (Персть—Подмышка) / гл. ред. Г. А. Богатова. — Москва : Наука, 1989. — 288 с.
43. Ярославский областной словарь. Бобовки—вертушок / отв. ред. Г. Г. Мельниченко. — Ярославль, 1982. — 58 с.

Suslova Evgenia Dmitrievna

Petrozavodsk State University

PhD

Fellow Researcher, Investigative Laboratory for Local and Micro history of Karelia (ILLMiK)

evgenia.suslova@mail.ru

A CHURCH ELDER IN EVERY-DAY PARISH LIFE IN KARELIA AT THE END OF 17th — BEGINNING OF 18th CENTURY

Annotation: The article concentrates on the thorough investigation of the judicial case of stealing the property, which belonged to the citizen of Novgorod Yakov Gerasimov, from the church storage at the parish of Oshta, an entity of the Zaonezie district within the eparchy of Novgorod. The research is based on the comparative analysis of statements and census books dated back to the second half of 17th — the beginning of 18th century. The revealing of the genealogy of the church elder and his son, who became the major defendant at the court after the death of his father, shows that the family ties among the parish clergy, church elders and peasant elders existed in Karelia as well as in the region of Pomorie and to the contrary of the central region of Russia. The members of some wealthy peasant families played a distinct role in the life of the local community, occupying key positions in the parish and in the local self-government during several decades. Relying upon their professional skills and wealthy, supporting each other, they kept the power and authority and settled their interests in front of priest elders and lay servants of the Metropolitan of Novgorod. Depending upon the peasantry, priests did not firmly control the every-day life of their parishioners, admitted from time to time violations of the church law and existing of the customs dated back to previous epochs.

Key words: church elder; priest elder; clergy; village parish; peasant community; Olonets uezd; Karelia; XVII—XVIII centuries; Russian Orthodox Church; local history.